

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 38–47.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 4 (81):38–47.

Научная статья
УДК 94(571.14).084.5
DOI 10.37724/RSU.2023.81.4.004

Повседневность Новосибирска в отражении сводок происшествий (по материалам газеты «Советская Сибирь» 1924–1929 годов)

Никита Вадимович Тихомиров

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
tikhomirov_n@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется городская повседневность Новосибирска в период 1924–1929 годов на материалах газетной хроники происшествий. Источниковую базу составили публикации газеты «Советская Сибирь» за указанный период. Были проанализированы заметки, содержащие сведения о правонарушениях, совершенных в Новосибирске (Новониколаевске), а также о рассмотрении судами конкретных дел. Работа призвана восполнить пробелы, имеющиеся в отечественной историографии в связи со сравнительно ограниченным привлечением информации газетных источников к изучению истории советской повседневности. Исследовательская гипотеза развивает положение о высоком познавательном потенциале массовой печати раннего СССР как содержащей богатый фактический материал, пригодный для воспроизведения различных структур обыденности советских людей. Известия о происшествиях и данные судебной хроники рассмотрены в свете историко-антропологического подхода, предполагающего изучение жизненного мира человека во всем разнообразии его проявлений. Основное внимание уделено информации, позволяющей определить вещественное и духовное своеобразие быта населения сибирской столицы, особенности обыденного сознания людей и специфику функционирования социальных институтов. Эвристическая ценность рассмотренных сообщений определяется документальностью их содержания, широким охватом социально-бытовой проблематики, характерной для исторической ситуации данного времени и отражающей своеобразие обыденности региона. Результаты работы призваны расширить научные представления об источниковедческих возможностях советской массовой печати и перспективах ее использования в рамках актуальных исследовательских практик. Полученные выводы служат углублению знаний об истории западносибирского региона, развитию теории и практики исследований в области истории повседневности и микроистории.

Ключевые слова: советские газеты, история повседневности, микроистория, Новосибирск, преступность, Сибирский край.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Повседневность Новосибирска в отражении сводок происшествий (по материалам газеты «Советская Сибирь» 1924–1929 годов) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 38–47. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.004.

Original article

Everyday life of Novosibirsk as reflected in newspaper reports (based on materials from the *Soviet Siberia* of 1924–1929)

Nikita V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article examines everyday life in the city of Novosibirsk in 1924–1929, employing materials from newspaper reports of urban incidents. The sources are publications in the *Soviet Siberia* newspaper for the period specified. We analyze information about offenses committed in Novosibirsk

(Novonikolayevsk), as well as about court sessions concerning specific cases. The work is intended to fill the gaps that exist in Russian historiography, due to insufficient use of information from newspaper sources in the study of the history of Soviet everyday life. The research hypothesis confirms a high cognitive potential of mass periodicals in the early years of the USSR, as it employed rich factual material for describing various structures of everyday life of Soviet people. The paper examines incidents and court records and uses the historical-anthropological approach, which involves study of society in all the diversity of its manifestations. The focus is on information that allows us to determine the material and spiritual uniqueness of the life of the population of the Siberian capital, everyday consciousness of residents and the specifics of the functioning of social institutions. The heuristic value of the publications considered is due to precise documentation of their content, wide coverage of social and everyday issues characteristic of the historical situation in the time and reflecting the uniqueness of everyday life in the region. The results of the research expand objective evaluation of the Soviet mass press potential for source studies. It also defines the prospects of similar studies when applied to current research practices. The findings listed here deepen our knowledge of the history of the West Siberian region, develop the theory and practice of historical research of everyday life and microhistory.

Keywords: Soviet newspapers, history of everyday life, microhistory, Novosibirsk, crime, Siberian region.

For citation: Tikhomirov N. V. Everyday life of Novosibirsk as reflected in newspaper reports (based on materials from the *Soviet Siberia* of 1924–1929). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 4 (81):38–47. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.004.

Введение

История повседневности является успешно развивающимся направлением в отечественной и мировой историографии. Лежащая в его основе методология антропологических исследований предполагает постижение исторического процесса через рассмотрение бытия человека в многообразии его социально-культурных проявлений. Это связано с обнаружением и описанием устойчивых структур повседневности [Бродель, 1986, с. 39], определением их качественного своеобразия и обозначением системных связей между ними.

Насущная задача исторической науки сегодня состоит в наращивании корпуса источников для освещения различных сторон повседневности. Это предполагает не только выявление и включение в исследовательский оборот новых документов, но и творческое переосмысление эвристических возможностей уже известных материалов, их освоение в рамках новых теоретических подходов.

Одним из таких источников, обладающих значительным познавательным потенциалом, являются газеты, в особенности издания общественно-политической направленности, сосредоточенные на местной и региональной проблематике. Их материалы отражают своеобразие образа жизни, мышления и повседневного опыта людей, содержат уникальные свидетельства о качественных особенностях исторического развития общества на микроуровне. Этим определяется актуальность обращения к газетным материалам как к важному информационному пласту, позволяющему вывести на новый уровень знание о структурах повседневности. В частности, это справедливо для региональной газетной печати советской эпохи.

Объектом настоящего исследования служат публикации газеты «Советская Сибирь» за период 1924–1929 годов. «Советская Сибирь» — одна из первых советских ежедневных газет, выпускавшаяся с 1919 года в Челябинске и с 1922 года в Новониколаевске. В интересующий нас период издание являлось органом Сибирского крайкома РКП(б), Сибревкома, Новониколаевского губкома и Губисполкома, Сибкрайкома ВКП(б), Сибирского краевого исполнительного комитета Советов, Новосибирского Округкома ВКП(б), Крайисполкома, Окрисполкома и Сибрайсовпрофа.

Предмет исследования составляют структуры повседневности населения Новосибирска, нашедшие отражение в газетной хронике происшествий. Нижняя временная рамка обусловлена тем, что с 1924 года в структуре газетных номеров регулярно появлялась информация о преступлениях, совершенных в Новосибирске и Сибирском крае. Прежде подобные сообщения печатались эпизодически. Материалы криминальной хроники размещались, как правило, в рубриках «Происшествия» и «Суд» («В суде»). Некоторые сведения содержались в отдельных

тематических заметках. Верхняя временная рамка исследования установлена в связи с переходом советской общественной системы от восстановительного периода к программе ускоренного социалистического строительства, началом нового этапа в общественном развитии страны и Сибирского региона в частности.

За указанный временной промежуток нам доступен обширный массив газетной информации, достаточно значительной для того, чтобы попытаться составить картину представлений о характере и видовом составе правонарушений, типичных для Новосибирского региона в так называемый восстановительный период. Полученные сведения способствуют углублению знаний о состоянии правопорядка в сибирской столице, дополняя представления, основанные на данных статистики и делопроизводственной документации.

Газеты раннего советского периода привлекаются историками для решения различных исследовательских задач. В частности, материалы «Советской Сибири» использовались для изучения повседневности Новосибирска [Косякова, 2006 ; Тихомиров, 2023]. Вместе с тем познавательные возможности данного источника в полной мере еще не раскрыты, а его задействование в актуальных исследованиях носит факультативный характер. Одна из задач нашей работы — расширить представления об информационном потенциале газеты «Советская Сибирь» в контексте историко-антропологического подхода. Кроме того, наработки, представленные в статье, призваны послужить развитию методик анализа массовой периодической печати в исследованиях истории повседневности и микроистории.

Внимание исследователя повседневности обращено не столько к быту как таковому, но к жизненным проблемам населения [Пушкарева, 2004, с. 10]. Подчас известия об острых социальных противоречиях, конфликтах могут иметь большую информационную значимость для историка обыденности, что убедительно показано в трудах А. Б. Каменского [Каменский, 2006, с. 36] и других авторов.

Преступность не была нормой городской жизни, а большинство обывателей не соприкасались напрямую с уголовной средой. В этом смысле преступление всегда являлось событием чрезвычайным, но не всегда неожиданным: жители сибирской столицы, безусловно, знали, в каких формах бытует преступность в их регионе. Поэтому, если человек 1920-х годов и мог быть потрясен самим фактом случившегося, то вряд ли его удивляли конкретные обстоятельства дела, по крайней мере, в большинстве случаев. Явления, видящиеся диковинными из XXI века, зачастую были рутинной городской жизни столетие назад. Речь идет о язвах общественного быта, известных не только населению, но и политическому руководству, которое пыталось бороться с ними, в том числе печатным словом.

Важно подчеркнуть, что событие преступления как исторический факт всегда связано с комплексом разнообразных социальных отношений: имущественных, семейных, коммерческих, управленческих и т. д., отражающих ценностно-нравственные установки людей, повседневные привычки и нормы общежития. По верному замечанию С. О. Шмидта, «любой объект, даже специально, казалось бы, приспособленный для целей коммуникации (например, газета, кинофильм), передает и побочную информацию, не связанную прямым образом с его частной функцией» [Шмидт, 1997, с. 41]. Сообщения о правонарушениях косвенно указывают на материально-бытовые условия жизни людей, их образ мысли, распространенные формы досуга, организацию городской среды. Иначе говоря, криминальные сводки подспудно подсвечивают разные стороны и детали обыденной жизни городского населения Новосибирска 1920-х годов.

Основная часть

Жизнь Сибирского региона в 1920-е годы, как и страны в целом, отмечена тяжелой послевоенной разрухой, усугублявшей бедность, безработицу и социальную незащищенность. Все это создавало подходящие условия для развития уголовной среды. В целом, уровень преступности в Сибири был весьма высок, и по этому показателю регион неизменно находился в первой десятке по России [Угроватов, 2010, с. 178].

Социальный состав преступного мира Новосибирска в это время разнообразен. К участию в преступлениях разной степени тяжести были причастны мужчины и женщины, взрослые и подростки, великороссы и инородцы, коренные жители и приезжие. Болезненным явлением

в жизни советского общества стала беспризорность [Славко, 2005, с. 26]. Уже в 1924 году на высшем официальном уровне признавался ее «усиленный рост», вызванный войной и революцией [Борьба ... , 1924, с. 3]. Огромное число детей и подростков без условий для благополучного существования вливались в преступную среду.

Беспризорники часто попадали в сводки о правонарушениях, являлись «постоянными посетителями» дежурной камеры Новосибирска, почти ежедневно судились по мелким делам [Советская Сибирь, 1929, № 103, с. 4]. Не имея должного надзора, они легко втягивались в асоциальные отношения: пьянствовали, увлекались азартными играми, приобщались к воровству. Наставниками таких подростков подчас становились воры-рецидивисты [Там же, № 59, с. 4]. Беспризорники и сами оказывались жертвами преступлений, использовались как орудие противоправной деятельности. Летом 1924 года девочка 12 лет была изнасилована незнакомцем, уведшим ее за город, посулив денег и хлеба [Там же, 1924, № 157, с. 9]. В конце 1929 года разъезжавший по стране аферист подобрал на базаре Челябинска беспризорного мальчика, которого возил по городам и всюду представлял своим душевнобольным братом, выпрашивая денег якобы на его содержание [Там же, 1929, № 67, с. 4].

На фоне массовой материальной неустроенности распространенным явлением становились кражи. Совершавших эти преступления можно поделить на две категории: профессиональные воры и обычные граждане, толкаемые на воровство крайней нуждой. Последние, например, тащили мануфактурный товар с прилавков и, будучи пойманы, быстро сознавались в проступке [Советская Сибирь, 1925, № 104, с. 10 ; № 143, с. 10]. Показателен случай работницы фабрики «Автомат», подворовывавшей чулочную продукцию на месте работы. После задержания она объяснила свои действия наличием безработного мужа-пьяницы и двоих детей. Примечательно, что судебный приговор к шести месяцам принудительных работ был встречен другими работницами производства неодобрительно: «Много» [Там же, 1929, № 64, с. 4]. Это свидетельствует о том, что, во-первых, жизненные обстоятельства осужденной были понятны (вероятно, знакомы) и вызывали сочувствие у других женщин, во-вторых, кража с предприятия не воспринималась ими как нечто предосудительное.

Среди профессиональных воров по газетным публикациям различаются несколько категорий. Сообразно характеру краж выделяются конокрады, «городушники» и «поездушники». К первой группе принадлежали люди, промышлявшие угоном лошадей, что в условиях широкого использования гужевого транспорта оставалось привычным явлением. Угоны производились повсеместно и в любое время суток. Коней уводили с рынков, улицы, частной территории [Советская Сибирь, 1925, № 84, с. 10 ; № 104, с. 10 ; 1928, № 4, с. 4].

«Городушники», как следует из названия, действовали в квартирах, магазинах, ларьках и прочих местах по городу. Сообщения о хищениях из домов наиболее частые в хронике происшествий: они печатались почти ежедневно, причем порой о нескольких (до полутора десятков) событий за сутки. Перечни вещей, ставших объектами краж, дают возможность понять, с одной стороны, степень достатка городских обывателей, с другой — хозяйственную и коммерческую ценность отдельных предметов. Кражи совершались в основном с целью последующего сбыта. Скудость потребительского рынка предопределяла, что, помимо традиционно востребованных денег и драгоценностей, добычей воров становились предметы, на которые существовал устойчивый потребительский спрос: одежда, обувь, исподнее и т. д. Особую ценность представляла верхняя одежда. Так, стоимость жеребковой дохи на сурковом меху, похищенной в 1926 году, составляла 200 руб. [Советская Сибирь, 1926, № 278, с. 4]. Сведения других публикаций позволяют сравнить эту цифру со стоимостью прочих предметов, имевших существенную ценность: к примеру, рабочая лошадь с упряжью в 1925 году стоила 139 руб. [Там же, 1925, № 84, с. 10]. Объекты хищения бывали подчас необычными. Так, в конце 1920-х годов беспризорники повадились ломать почтовые ящики в городе, чтобы содрать с конвертов марки для их последующей продажи [Там же, 1928, № 2, с. 4]. Анализ такого рода сообщений (во множестве содержащихся в массиве газетных номеров) позволяет выяснить подробности, касающиеся вещественной стороны быта новосибирцев и специфики их потребительских запросов.

Особую категорию воров составляли «поездушники», орудовавшие в железнодорожных составах, шедших через Новосибирск. Их добычей становилось имущество пассажиров или перевозившиеся грузы. Новосибирск, расположенный в месте схождения транспортных направле-

ний, был не только важнейшим логистическим узлом Сибири, но и местом притяжения многих искателей наживы. Газетные материалы дают представления об особенностях краж на местной железной дороге. Так, злоумышленники проникали в пассажирские купе во время следования поезда, выбрасывали на улицу вещи, а после тормозили состав стоп-краном и спрыгивали за добычей [Советская Сибирь, 1929, № 67, с. 4]. «Поездушники» съезжались в Новосибирск со всей страны [Там же, 1928, № 84, с. 3], чтобы, совершив кражи здесь, отбыть в другие места. Подчас они действовали группами, вытаскивая вещи из вагонов чемоданами и сундуками [Там же, 1929, № 116, с. 4].

Личные вещи выманивались у людей обманом. Распространенная схема уличного мошенничества состояла в продаже доверчивому человеку цветных стеклышек под видом драгоценных камней [Советская Сибирь, 1929, № 113, с. 4]. Преступники, обиравшие таким образом обывателей, именовались на местном жаргоне «бульжниками». Как правило, они промышляли на рынках и вокзале, а их жертвами становились прибывшие в город переселенцы, не знакомые с местными реалиями [Там же, № 100, с. 4]. Примечательна востребованность якобы драгоценных предметов рядовыми гражданами, готовыми тратить на них подчас последние деньги. Совершая такую сделку, обыватели, вероятно, рассчитывали перепродать купленную вещь с выгодой для себя. В подобных действиях можно усмотреть сохранявшиеся у людей черты рыночного, «нэповского» мышления. Несмотря на усиливавшееся огосударствление экономики, частная торговля и множественные формы теневых товарно-денежных отношений продолжали играть заметную роль в жизни провинциалов.

Отголоском Гражданской войны явилось массовое распространение стрелкового оружия, что наглядно показано во множестве газетных публикаций, сообщающих о разбоях, ограблениях и убийствах с его применением [Советская Сибирь, 1925, № 187, с. 10]. Уязвимой категорией граждан, часто подвергавшихся нападениям грабителей, были извозчики, находившиеся на улице в темное время суток [Там же, 1929, № 57, с. 4 ; № 117, с. 4].

Оружием владели не только профессиональные бандиты, но и городские хулиганы [Советская Сибирь, 1929, № 52, с. 4]. Браунинги и револьверы были доступны и широко использовались обывателями. Пистолеты упоминаются в заметках о несчастных случаях [Там же, 1926, № 209, с. 4]; имели место самоубийства, осуществленные с их помощью [Там же, 1928, № 2, с. 4]. Так, в 1929 году сообщалось о женщине-самоубийце «с огнестрельной раной в груди» [Там же, 1929, № 105, с. 4]. Хотя вид оружия не был указан, характер ранения, причиненного жертвой самостоятельно, заставляет думать, что речь шла о пистолете. В контексте темы самоубийств примечателен еще один способ их совершения — отравление уксусной эссенцией, распространенный в данный период среди горожан [Там же, 1928, № 98, с. 4 ; № 106, с. 6 ; 1929, № 110, с. 4].

Преступная деятельность порождала специфическую систему общественных связей, включавшую скупщиков краденого, притоны и прочие элементы своего рода криминальной инфраструктуры. Притоны были частью социально-культурной географии Новосибирска, сосредотачивая разные формы незаконной деятельности и притягивая людей, склонных к асоциальному поведению. Характерным примером служит притон, содержавшийся 27-летней переселенкой с юга и закрытый угрозой летом 1926 года. Хозяйка торговала спиртным «в любое время дня и ночи и сколько хочешь», а также предоставляла помещения для занятия проституцией. По показаниям, данным самими проститутками на суде, стоимость такой услуги составляла порядка 5 руб. за сутки [Советская Сибирь, 1926, № 154, с. 4].

Специализация притонов разнилась. Имелись места, хозяева которых промышляли сбытом наркотиков. Одно из них сотрудники правопорядка обнаружили летом 1925 года. Застигнутые там несколько человек пояснили, что пришли «для впрыскивания кокаина». Примечательно, что домовладельцами оказались двое китайцев [Советская Сибирь, 1925, № 196, с. 11]. Надо отметить, что представители этого народа не раз попадали в криминальные сводки именно в связи с торговлей дурманными веществами [Там же, 1928, № 5, с. 4].

Борьба со злочными местами не всегда велась достаточно успешно. Весной 1929 года «Советская Сибирь» писала о притоне в Железнодорожном районе, действовавшем с 1925 года. Здесь подпольно торговали выпивкой, и рабочие порой «оставляли всю получку». Кроме того, происходила скупка краденого, велись азартные игры, в которые вовлекались малолетние. При этом владелица притона, не единожды судимая за свою деятельность, отделялась лишь незначительными штрафами [Советская Сибирь, 1929, № 66, с. 4].

Богатыми на происшествия были городские базары, становившиеся местами карманных краж, воровства и сбыта краденого, увода коней, мошенничества, драк и даже поножовщины [Советская Сибирь, 1924, № 267, с. 11 ; 1925, № 84, с. 10 ; № 105, с. 10 ; № 257, с. 10 ; 1927, № 175, с. 4 ; 1928, № 5, с. 4 ; № 115, с. 4 ; 1929, № 103, с. 4].

Многочисленные газетные заметки сообщают о преступлениях во всех уголках Новосибирска. Можно, однако, выделить наиболее криминогенные места рассматриваемого периода. Одним из таковых являлся главный вокзал с прилегающей округой. Ежедневно сюда прибывали люди не только из сибирского региона, но и со всей России: переселенцы, командировочные, следующие транзитом и пр. Именно приезжие зачастую оказывались жертвами воров и мошенников, орудовавших на вокзале. Частым явлением были карманные кражи. Порой преступники заранее выведывали о ценных вещах, перевозимых людьми, чтобы после обманным путем получить их из камеры хранения [Советская Сибирь, 1925, № 143, с. 10 ; 1926, № 295, с. 4]. Пассажиры терпели убытки от беспризорников, во множестве орудовавших у вокзала. Помимо карманных краж, те похищали вещи самым незатейливым способом: предлагали себя в качестве носильщиков и скрывались с чужой поклажей [Там же, 1927, № 196, с. 4].

Расследование, проведенное в мае 1929 года, показало, что большое число воров, орудовавших в Новосибирске, проживало в вагонах, отогнанных в тупик напротив Фабричной улицы [Советская Сибирь, 1929, № 100, с. 4]. Этот маленький периферийный участок, отделенный от остального города хозяйственными строениями и железной дорогой, отлично подходил для укрытия преступного контингента.

Неспокойными были и другие окраины, такие, например, как район Малой Нахаловки, расположенный в западной части города между Обью и железнодорожными путями. Дурной славой пользовалась северо-западная периферия, примыкавшая к лесному массиву и отрезанная от основной части города железной дорогой и рекой Ельцовкой. Такое месторасположение притягивало, в частности, насильников, заманивавших за Ельцовку своих жертв. Например, летом 1924 года «Советская Сибирь» сообщала о случаях надругательства над девочками, произошедшими в тамошнем лесу [Советская Сибирь, 1924, № 157, с. 9].

Наконец, вся городская периферия, за исключением, пожалуй, военного городка, страдала от хулиганства. Вследствие этого присутствие сотрудников милиции в некоторых местах являлось критически важным для поддержания там элементарного порядка. Но выставить повсеместно дежурные посты явно не представлялось возможным, отчего газетные материалы время от времени описывали отдельные районы как места подлинно массового бедствия [Советская Сибирь, 1928, № 36, с. 4].

Хулиганы не только причиняли неудобства обывателям, но и препятствовали осуществлению важных культурно-просветительских мероприятий. В феврале 1928 года на отчете горсовета в клубе «Печатник» в присутствии служащих разных учреждений звучало требование «усилить охрану окраин, иначе рабочие боятся ходить в кино и театр, а служащие, посещающие вечерние занятия, все время находятся под угрозой вернуться домой без пальто» [Советская Сибирь, 1928, № 38, с. 4]. Однако и после подобных выступлений в ряде мест ситуация оставалась удручающей. В мае 1929 года сообщалось о последствиях упразднения милицейского поста на мосту через реку Каменку, протекавшую в южной части города. По свидетельству газеты, с того времени «там не проходит ни одного вечера без происшествий. Хулиганы не дают прохода поздно возвращающимся с работы жителям. Целыми группами они нападают на прохожих, избивают их, толкают в лужи, забрасывают грязью» [Там же, 1929, № 105, с. 4]. В итоге многие жители Закаменского района отказывались не только от участия в общественной работе, но даже от посещения школы. Это показывает, что в ряде случаев местное руководство не было способно обеспечить проведение социально значимых мероприятий, чем ставило под угрозу срыва решение задач культурной революции.

Хулиганство было тяжелой язвой городской повседневности. Выходки, грубо нарушавшие общественный порядок, совершались в различных местах и при разнообразных обстоятельствах. Как правило, зачинщиками становились подвыпившие мужчины либо задиристые подростки. Диапазон хулиганских действий, в газетном изложении, довольно широк: от пьяного буйства посетителя буфета до массовой драки с поножовщиной. Некоторые события такого рода получали особую огласку. К примеру, дело о нападении хулиганов на группу комсомольцев, направлявшихся для участия в шествии, рассматривалось следствием «вне всякой очереди»

и завершилось показательным судебным процессом [Советская Сибирь, 1926, № 209, с. 4]. Такая реакция со стороны властей неудивительна: преступники в данном случае нанесли урон советским активистам и поставили под угрозу срыва общественно значимое мероприятие. В большинстве же случаев дела о нападениях, даже с тяжкими последствиями, разбирались в рутинном режиме.

Примечательно, что хулиганили порой и сами советские активисты. В 1926 году двое комсомольцев учинили пьяный погром в клубе союза кустарей [Советская Сибирь, 1926, № 266, с. 4]. Такие происшествия показывают, что пропагандистский образ строителя коммунизма порой удручающе не соответствовал действительности. Подвергались вредительским нашествиям и культурно-просветительские заведения. Так, в 1928 году хулиганы облюбовали для собственного увеселения помещение единственного в Ипподромском районе клуба мылзавода, куда приходили пьянствовать и играть на гармонии [Там же, 1928, № 36, с. 4]. Порой руководство самих досуговых заведений создавало условия для беспорядков. К примеру, в буфете клуба союза металлистов отсутствовала горячая пища, зато «пиво лилось рекой» [Там же]. Такое положение дел можно объяснить желанием снабжающей организации увеличить выручку за счет продажи востребованного напитка, следствием чего было возникновение благоприятной среды для разного рода общественных пороков.

Разгул хулиганства приходился на праздники, в том числе церковные. Несмотря на усилия советской пропаганды, настойчиво отвращавшей население от празднования оных, гуляния в эти дни продолжались и нередко оборачивались беспорядками. «Советская Сибирь» старательно подчеркивала связь между христианской традицией и противоправным поведением, чему сами обыватели давали достаточно оснований. В этом отношении наиболее сильна среди населения была привычка справлять Пасху. В ее преддверии газета усиленно агитировала против празднования, призывая посвятить соответствующий день полезной трудовой деятельности, после же публиковала материалы о различных правонарушениях. Так, в 1927 году за трое суток празднества милиция Новосибирска совокупно задержала за «пьянство и хулиганство» 103 человека и еще 12 — «за разные уголовные преступления» [Советская Сибирь, 1927, № 97, с. 4]. Заметка 1929 года с характерным названием «Пасхальные происшествия» сообщала, что по городу зарегистрированы 1 убийство, 4 случая тяжелых ранений, 1 легкое ранение и 1 изнасилование [Там же, 1929, № 102, с. 4].

Частым атрибутом смутьяна был нож, носившийся за голенищем или другим способом. Характерно, что склонность к использованию холодного оружия вообще была широко распространена среди обывателей. Клинки пускали в дело в ходе случайно вспыхнувших ссор, на почве внезапно возникшей неприязни. Поножовщину затевали не только мужчины, но также женщины, подростки и даже дети. В апреле 1928 года разбушевавшаяся пациентка Обской амбулатории № 1 нанесла ножевое ранение администратору [Советская Сибирь, 1928, № 90, с. 3]. Весной 1929 года на берегу Каменки дети девяти-десяти лет нанесли тяжелую ножевую рану прохожему, который пытался разнять их потасовку [Там же, 1929, № 60, с. 4].

Укорененная привычка немалой части населения к ношению холодного оружия свидетельствует об общем состоянии нравов, противоречивших образцам, насаждавшимся деятелями советского просвещения, к тому же регулярные драки с увечьями и смертями становились попросту угрозой общественной безопасности.

Еще одной проблемой, заслуживающей упоминания в контексте примеров противоправного поведения, была самовольная застройка, создававшая ощутимые трудности как для населения Новосибирска, так и для городских властей. Попытки советского руководства установить строгие правила землепользования наталкивались на упрямое безразличие местного населения, по давней привычке продолжавшего стихийно осваивать ничью, в его понимании, землю. Быстро возводимые срубы возникали повсеместно, препятствуя осуществлению рациональной градостроительной политики. Так, в 1927 году застройщики захватили участок земли, отведенный горкомхозом под строительство пожарной части: «среди песку и лесу», привезенных для работ, «выросли восемь срубов» [Советская Сибирь, 1927, № 165, с. 4]. С теми же проблемами сталкивались частные лица. Оформляя надлежащим образом права собственности на земельные участки, они затем обнаруживали их уже застроенными и обжитыми [Там же, 1928, № 84, с. 3].

Газета старалась также информировать население об успехах борьбы с преступностью, что имело идейно-нравственное значение. Интересны сообщения о прохождении судебных заседаний. Из них можно узнать об условиях проведения слушаний, доводах и соображениях, вли-

явших на решения судей, подходах к назначению наказаний за конкретные деяния. Некоторые суды проводились в показательном порядке [Советская Сибирь, 1925, № 278, с. 4], об их месте и времени граждан заранее оповещали газетные публикации [Там же, 1929, № 79, с. 4]. Советское руководство стремилось использовать такие события в назидательно-воспитательных целях. Однако для провинциальных тружеников, не избалованных разнообразием досуговых мероприятий, открытое слушание уголовного дела становилось прежде всего остросюжетным представлением. А зрелищные представления разного рода были необычайно востребованы населением. К примеру, о высокой популярности киносеансов среди обывателей газета писала: «Глухая ночь. 2-й час работает кино. Публики полно. Зал вмещает от 240 человек. <...> Публика идет и на американщину, забывая про пивную» [Там же, 1926, № 152, с. 3].

Судебные заседания также превращались порой в по-настоящему массовые мероприятия. Иногда их устраивали в клубах, производственных цехах и других вместительных помещениях. Так, дело о ссоре двух рабочих, окончившейся покушением на убийство, слушалось в мае 1925 года в помещении клуба фабрики «Автомат» и «вызвало громадный интерес среди рабочих фабрики» [Советская Сибирь, 1925, № 110, с. 11]. В течение двух вечеров трудящиеся заполняли клуб с шести вечера до полуночи. В августе того же года суд рассматривал дело о крушении поезда. Тогда «по просьбе очень заинтересованных судом рабочих-железнодорожников» [Там же, № 196, с. 10] заседание было перенесено из здания Новониколаевского губернского суда в вагонный цех станции Новониколаевск. На слушание людей допускали по билетам, выдаваемым только членам профсоюзов.

Примечательны решения судов, их уклон в рассмотрении некоторых дел. При вынесении приговоров учитывались обстоятельства, весьма своеобразные с точки зрения современной юридической практики. Так, при назначении наказания женщинам, виновным в умерщвлении новорожденного ребенка или убийстве деспотичного супруга, принимались во внимание их «неразвитость», «темнота и невежество» [Советская Сибирь, 1925, № 84, с. 10 ; № 145, с. 11], существенно облегчавшие уголовную ответственность, несмотря на тяжесть содеянного [Там же, 1926, № 132, с. 4]. Показательно, что даже молодчику, сознательно застрелившему девушку из ревности, краевой суд сократил срок лишения свободы с 8 до 5 лет, исключил строгую изоляцию и поражение в правах, поскольку принял во внимание «невежество, происхождение, его тяжелые условия жизни» [Там же, № 151, с. 4].

Таким образом, газетные публикации отражают не только нравы среды, порождавшей преступные явления, но и образ мышления тех, кому было поручено преображать эту среду. Заметки дают представление об особенностях преломления идей социалистической законности в сознании ответственных лиц, производивших толкование принципов правосудия. В частности, в судебных решениях можно видеть своеобразные проявления принципов гуманизма и справедливости.

Заслуживает внимания и вопрос о работе аппарата исполнительной власти. Газетные материалы показывают сравнительно низкое влияние формально-бюрократических установлений на деятельность должностных лиц. Так, распространенным видом наказания, назначавшегося судами, были принудительные работы. Однако зачастую их попросту саботировали ответственные работники на местах. На исходе 1920-х годов «Советская Сибирь» отмечала, что приговоры такого рода выносились впустую, и большинство их не приводилось в исполнение [Советская Сибирь, 1929, № 65, с. 3]. Безалаберность на разных уровнях правоохранительной системы проявлялась во множестве форм, порой откровенно курьезных. Например, весной 1925 года надзиратель Новосибирского исправительно-трудового дома¹ сопровождал двоих заключенных в зубокабинет. В ожидании начала приема все трое отправились в город погостить и отобедать к одному из осужденных, а затем к другому, откуда один из преступников скрылся [Там же, 1925, № 107, с. 11].

Такие случаи свидетельствуют о низком уровне правосознания не только обывателей, но и лиц, облеченных властью. Мышление тех и других оставалось пронизано традиционным пониманием права и справедливости. Люди неохотно усваивали новые нормы поведения и с трудом воспринимали идеи социальной ответственности. Укоренение гражданского сознания в среде сибирских обывателей происходило медленно и тяжело.

¹ Место отбывания заключения осужденными лицами без режима строгой изоляции.

Заключение

Динамика утверждения нового правопорядка, централизованно насаждавшегося советской властью, заметно снижалась от центра к периферии, вступая на местах в острое противоречие с давними привычками местных сообществ и инертностью их миропонимания. Такое положение дел сродни явлениям, описанным в трудах, посвященных складыванию правового режима государств Нового времени. Так, Н. Ш. Коллманн в исследовании о действии правоприменительных механизмов в Русском государстве XVII — начала XVIII веков пишет: «Как и в Европе, власть соединяла формализованное право и институты с гибкостью в практической деятельности и с народными представлениями о правосудии. На низовом уровне европейские “рационализирующиеся” государства выглядели менее рациональными, а декларируемое московское “самодержавие” — менее самодержавным» [Коллманн, 2016, с. 20]. Данный вывод *tutatis mutandis* хорошо применим и к ситуации советской России в первые десятилетия ее существования. Типологическое подобие социально-политических систем XVII и XX веков обусловлено их пребыванием в процессе модернизации. Причем в России 1920–1930-х годов соответствующие процессы протекали с гораздо большей интенсивностью, что предопределило неизбежное рассогласование управленческих решений на высшем уровне общественно-политической системы с конкретными формами поведения частных лиц на ее нижних этажах.

Материалы публикаций «Советской Сибири» позволяют не только воспроизвести условия и особенности существования преступного мира Новосибирска 1920-х годов, но и обнаружить разнообразные структуры повседневной жизни городского населения в их взаимосвязи, проявленные в описаниях конкретных происшествий. Хроника правонарушений и судебной практики содержит множество свидетельств ненамеренного вида, дающих представления о жизненном укладе людей и способствующих углубленному пониманию своеобразия местного общества в первое послереволюционное десятилетие.

Список источников

1. Борьба с беспризорностью в СССР : материалы 1-й московской конференции по борьбе с беспризорностью 16–17 марта 1924 г. — М. : Работник просвещения, 1924. — 47 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. — 622 с.
3. Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. — М. : РГГУ, 2006. — 403 с.
4. Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. — М. : Новое лит. обозрение, 2016. — 616 с.
5. Косякова Е. И. Городская повседневность Новониколаевска-Новосибирска в конце 1919 — первой половине 1941 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Новосибирск, 2006. — 266 с.
6. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. — 2004. — № 5. — С. 3–19.
7. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. — М. : ИНИОН РАН, 2005. — 171 с.
8. Советская Сибирь : ежедн. газ. — 1924. — № 157, 267 ; 1925. — № 84, 104, 105, 107, 110, 117, 143, 145, 187, 196, 257, 278 ; 1926. — № 134, 143, 151, 152, 154, 209, 266, 278, 295 ; 1927. — № 97, 165, 196, 175 ; 1928. — № 2, 4, 5, 36, 38, 84, 90, 98, 106, 115 ; 1929. — № 52, 57, 59, 60, 64, 65, 66, 67, 79, 100, 102, 103, 105, 110, 113, 116.
9. Тихомиров Н. В. «Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания 1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты «Советская Сибирь») // История повседневности. — 2023. — № 2. — С. 126–143.
10. Угроватов А. П. Из истории бытовой преступности в Сибири в 1920-е гг. // ЭКО. — 2010. — № 10. — С. 177–188.
11. Шмидт С. О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. — М. : РГГУ, 1997. — 612 с.

References

1. *Borba s besprizornostyu v SSSR: materialy 1-y moskovskoy konferentsii po borbe s besprizornostyu 16–17 marta 1924 g.* [Fighting homelessness in the USSR: materials of the 1st Moscow conference on the fight against homelessness, March 16–17, 1924]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1924, 47 p. (In Russian).

2. Braudel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t.* [Material civilization, economics and capitalism, 15th–18th centuries: in 3 vols. Vol. 1: Structures of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow, Progress Publ., 1986, 622 p. (In Russian).
3. Kamensky A. B. *Povsednevnost russkikh gorodskikh obyvateley: istoricheskiye anekdoty iz provintsialnoy zhizni XVIII veka* [Everyday urban life in Russia: historical anecdotes from 18th-c. provincial life]. Moscow, RGGU Publ., 2006, 403 p. (In Russian).
4. Kollmann N. Sh. *Prestupleniye i nakazaniye v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in early modern Russia]. Moscow, Novoye lit. obozreniye Publ., 2016, 616 p. (In Russian).
5. Kosyakova E. I. *Gorodskaya povsednevnost Novonikolayevska-Novosibirsk v kontse 1919 — pervoy polovine 1941 g.* [Urban everyday life of Novonikolayevsk-Novosibirsk at the end of 1919 – the first half of 1941]. Dis. of candidate of history, 07.00.02. Novosibirsk, 2006, 266 p. (In Russian).
6. Pushkareva N. L. The subject and methods of studying “history of everyday life”. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2004, iss. 5, pp. 3–19. (In Russian).
7. Slavko A. A. *Detskaya besprizornost v Rossii v pervoye desyatiletie sovetskoy vlasti* [Homeless children in Russia during the first decade of Soviet power]. Moscow, INION RAS Publ., 2005, 171 p. (In Russian).
8. *Sovetskaya Sibir: yezhednevnyaya gazeta* [Soviet Siberia: daily newspaper]. 1924, iss. 157, 267; 1925, iss. 84, 104, 105, 107, 110, 117, 143, 145, 187, 196, 257, 278; 1926, iss. 134, 143, 151, 152, 154, 209, 266, 278, 295; 1927, iss. 97, 165, 196, 175; 1928, iss. 2, 4, 5, 36, 38, 84, 90, 98, 106, 115; 1929, iss. 52, 57, 59, 60, 64, 65, 66, 67, 79, 100, 102, 103, 105, 110, 113, 116. (In Russian).
9. Tikhomirov N. V. “An urgent issue today”: review of public catering in 1930 in Western Siberia (based on materials from the *Soviet Siberia* newspaper). *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. 2023, iss. 2, pp. 126–143. (In Russian).
10. Ugrovatov A. P. From everyday crime history in Siberia in the 1920s. *EKO* [EKO]. 2010, iss. 10, pp. 177–188. (In Russian).
11. Shmidt S. O. *Put istorika: izbrannyye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii* [The historian’s path: selected works on source study and historiography]. Moscow, RGGU Publ., 1997, 612 p. (In Russian).

Информация об авторе

Тихомиров Никита Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Российского государственного гуманитарного университета.

Сфера научных интересов: история России, история повседневности, история исторической науки, социальная философия.

Information about the author

Tikhomirov Nikita Vadimovich — candidate of history, associate professor of Chair of Source Studies, Russian State University for the Humanities.

Research interests: history of Russia, history of everyday life, history of historical studies, social philosophy.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 09.03.2023; accepted for publication 10.08.2023.